Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 39–44. DOI 10.17223/15617793/390/7

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 165.939

О.В. Боровкова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ВНЕИСТОЧНИКОВОЕ ЗНАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Историческая наука в настоящее время переживает кризис – критике подвергаются практически все ее основания, в том числе и исторический источник. Звучат высказывания о том, что источники не надежны и поэтому необходимо привлечение внеисточникового знания, которое, в некоторых случаях, полагается заменителем источников. Для решения этой проблемы осуществляется попытка выявления топоса исторического источника и топоса внеисточникового знания, что позволит углубиться в содержание понятия «исторический источник» и определить сферу внеисточникового знания.

Ключевые слова: исторический источник; внеисточниковое знание; предзнание; исторический эксперимент; топос.

По многим параметрам период с конца XX в. принято характеризовать как эпистемологический кризис, который не обошел и историческую науку. Она все чаще стала представляться «явлением культуры», служанкой политиков, а исторические события – источником для сюжетов художественных произведений и др.

Огромная работа по выявлению специфики социально-гуманитарных наук, как это ни парадоксально, способствовала «растворению», размыванию границ исторической науки. Возросшее значение текста как предмета социально-гуманитарных наук, с одной стороны, выявило специфику этой сферы, но с другой – нанесло удар предметности истории, связанный в том числе с переосмыслением роли исторического источника. Если ранее источник полагался основой исторического познания, то впоследствии оказалось, что он не перекрывает все содержание исторического знания. На первый план был выдвинут историк, что позволило, с одной стороны, разрешить проблемы исторического исследования, связанные с отсутствием источников, но с другой стороны, предопределило небрежное отношение к ним.

В результате все больше внимания стало уделяться так называемому внеисточниковому историческому знанию. Это было бы оправданно, если бы не попытки заменить им источники: при всем их несовершенстве и недостатках, они являются главным каналом связи, который позволяет исторической науке получать самотождественную информацию, т.е. информацию, которая определяет сущность исторической науки. Для того чтобы она не утратила свою сущность науки, необходимо определиться с границами понятия «внеисточниковое знание».

Попытка решения этих проблем связана с привлечением метода «выявления топоса», основанного на аристотелевской топике и предполагающего рассмотрение исторического источника или «источникового знания» и внеисточникового знания, как пространств сосредоточения, распространения и пересечения смыслов (см. подробнее [1]).

Данный метод позволит выявить различные аспекты исторического источника и внеисточникового знания и найти в них то, что, по словам М.К. Мамардашвили, «не является частью какого-то другого целого» [2. С. 61], т.е. их топос.

Первый шаг, который следует сделать в соответствии с методом, – это обнаружение вещи, «очерчивание» ее границ, обозначение в виде «смыслового пятна». Как сказал А. Родин, внесший вклад в разработку данного метода, в своей работе «Среда и событие», чтобы начать исследование вещи, она должна быть названа [3]. Он замечает, что название вещи состоит из двух частей – имени ее рода и ее собственного имени. Род показывает, что есть вещь, где ее искать, а сама вещь выделяется собственным именем. Родовым именем (индивидуальным топосом) является имя «источник», собственным именем (общим топосом) – «история», «исторический». Топосом является и пересечение общего и индивидуального топоса (имя и род).

Далее поиск или выявление топоса (места пересечения смыслов) будет осуществляться путем «наполнения места» и исследования распространения смыслов родового имени. Следующий за этим поиск границы предполагает выявление сходств и различий исторического источника с источниками из других сфер знания, которые, имея совпадения в родовом имени, различаются собственными именами.

Необходимо отметить, что именование данной вещи – «исторический источник» – связано с трансформацией термина из других областей знания. Термин «источник» известен очень давно, до появления исторической науки, и был связан со сферой природы. В широком смысле понятие «источник» – это, по определению С.И. Ожегова, «то, что дает начало чему-нибудь» [4. С. 222], но, «давая начало», являясь причиной чего-то, «этим» не является.

С познавательной точки зрения источник – это то, что может «источать информацию». Для естественных наук – это природные явления, с которыми субъект познания взаимодействует напрямую, а для сферы социально-гуманитарных наук – это текст, представляющий реальность, прямое взаимодействие с которой невозможно. По словам М.М. Бахтина, текст является первичной данностью (реальностью) «всякой гуманитарной дисциплины» [5. С. 292].

Можно допустить, что в данной сфере источник (юридический, литературный, филологический, источник экономической информации, исторический источник) выступает как основа научного исследова-

ния. В отличие от природных явлений, этот источник – результат деятельности людей.

В социально-гуманитарных науках связь исследователя с реальностью через текст проявляется поразному, так как сама реальность различна. В исторической науке реальность отделена от историков «барьером времени», преодолеть который не представляется возможным. Поэтому необходимо существование опосредующего звена, в качестве которого и выступает, прежде всего, исторический источник. Ф.Н. Блюхер назвал источник единственной действительностью исторической науки, тем, «благодаря чему история может оперировать категорией истинности» [6. С. 9].

Из прошлого исторический источник трансформируется в настоящее по различным каналам, в том числе и на материальном носителе. Поэтому исторический источник – это источник, имеющий две стороны – предметную и содержательную. Для источников других областей социально-гуманитарного знания (филология, юриспруденция) предметная сторона не имеет большого значения. Цели исследования содержательной стороны также различны: из исторического источника историки извлекают информацию о прошлом человеческого общества, поэтому его изучение основывается на подлинности носителя источника, достоверности содержания и соотношении этих двух оснований.

Юридические источники целенаправленно создаются для того, чтобы быть источниками информации, для практического применения. Источники права – это те формы, в которых выражаются правовые нормы. Они отражают отношения в обществе в настоящем. Отходя в прошлое, эти источники теряют свою актуальность для практики в области права и становятся чаще всего предметом исследования историков.

В основе филологического исследования также лежат источники, и иногда достаточно трудно разделить исторические и филологические источники, поскольку они взаимосвязаны. Эта связь заключается, во-первых, в том, что один и тот же текст может быть как историческим, так и филологическим источником; во-вторых, как пишет О.М. Медушевская, крупный исследователь в области источниковедения, «…источниковед, – по существу, это филолог и историк в одном лице. Сначала он рассматривает источник как часть реальности прошлого, а потом – как часть той реальности, в которой находится сам» [7. С. 54].

Другими словами, филологическое исследование источника, с одной стороны, часть исторического исследования, но, с другой – самостоятельное исследование, так как филологический источник не «привязан» к прошлому. Для филолога не столь важно, как для историка, является ли этот текст подлинным историческим источником или подделкой, прошлому или настоящему он принадлежит. Ценность источника в этой сфере заключается в его оригинальной структуре, в особенностях стиля, языка и др. Кроме того, в филологии источник – это, прежде всего, вещь, материальный предмет, который описывается, сравнивается, классифицируется, определяется. Для историка же источник – часть прошлой действительности, с одной стороны, а с другой – он несет информацию об этой действительности. Информация, содержащаяся в историческом источнике, извлекается различными методами: это связано с разнообразием их форм, видов, с принадлежностью к эпохе и др.

Специфика исторического источника проявляется и в том, что методом понимания свидетельств, содержащихся в нем, является критика, включающая определение подлинности «носителя» источника, его текста, критику достоверности свидетельства, реконструкцию скрытых фактов, извлечение истинной и определение ложной информации.

При изучении исторического источника, как полагает М. Блок, необходимо активное и пристрастное «вторжение», «вживание» в его структуру, смысл, специфику формы, содержание, язык, стиль [8. С. 29]. Как пишут современные отечественные исследователи И. Савельева и А. Полетаев, «пока источники молчат, событие отсутствует» [9. С. 483]. Необходимо отметить, что юридический источник не подвергается подобной критике, он изучается и используется.

Таким образом, в первом приближении, рассмотрев исторический источник через различия и сходства собственного имени, можно сказать, что топосом исторического источника является его принадлежность прошлому, отражение в нем жизни людей в прошлом, его предметность, выражающаяся в разнообразии проявлений. Методом его познания (понимания) является критика, включающая не только методы сферы социально-гуманитарных наук, но и естественнонаучные.

В настоящее время существуют две традиции в представлении о роли исторического источника. Первая основывается на взглядах Ранке, который выдвигал «требование» к исследователям устраняться из своего исследования. Факты, извлеченные из источников, он полагал единственной реальностью исторической науки. Представители другой традиции не склонны не только абсолютизировать источники, но даже придавать им большое значение. Вторая позиция в настоящее время получает все большее распространение, исторический источник теряет доверие.

Недоверие основывается на ряде обстоятельств:

1. Как уже упоминалось, историк имеет дело не только с письменными источниками, но и с вещественными. Извлечение из них информации связано с привлечением широкого спектра внеисточникового знания.

2. Информация, содержащаяся в письменных источниках, может быть идеологизирована, плохо проверена, намеренно искажена и др. Например, на некоторых документах отсутствуют атрибуты, подтверждающие их официальный статус (подписи, печати и др.). Не все события фиксируются в письменных источниках: они могут оставаться лишь в устной традиции, приобретая впоследствии статус преданий. Что касается других видов источников (мемуары, рассказы очевидцев и др.), то здесь изначально предполагается мнение автора. То есть источники могут изначально нести на себе печать субъективизма, включать субъективный компонент.

3. Историк, также относясь к прошлому субъективно заинтересованно, интерпретирует его с позиций

своих ценностей, установок, принципов и др. Это может выражаться в отборе источников, в выборе угла зрения, аспекта рассмотрения тех событий, о которых информирует источник.

4. Источники содержат лишь часть информации о прошлом. Ф.Р. Анкерсмит, например, полагает, что кроме того, что фиксируется в источниках и подлежит анализу, есть то, что «чувствуется», что вырывается из нас помимо нашей воли. Философ называет это «стонами цивилизации». Он пишет, что это «по сути поэтические стоны: как стихотворение они не стремятся к истине, но – к тому, чтобы дать опыту возможность говорить» [10. С. 276].

Х. Уайт полагает, что с помощью источников можно расширить знания о прошлом, но для понимания этого недостаточно: «Наше знание прошлого, – пишет он, – может увеличиваться по нарастающей, но наше понимание его – нет» [11]. Для того чтобы «получить» понимание, он предлагает найти некую «неразрушаемость», выражающуюся в форме исторического повествования (комедия, трагедия, сатира, роман). Данные формы придаются историческому произведению историками путем акцентирования внимания на тех или иных сторонах событий или выделяют в качестве основы те или иные события, используя при этом различные выразительные средства.

5. Историк, для создания более или менее полной картины, не может ограничиться источниками, относящимися только к какому-либо одному месту и ограниченному временному отрезку, несущими информацию о каких-либо конкретных событиях. Кроме этого, требуется использование фактов, полученных из других источников.

Уязвимость источника побуждает исследователей к привлечению так называемого внеисточникового знания. Но данное понятие часто заполняется различным содержанием, поэтому очень важно рассмотрение существующих представлений о нем, что позволит определить сущность, границы распространения смыслов этого понятия и его место по отношению к историческому источнику.

Следующим этапом выявления топоса, таким образом, предполагается поиск различий между возможностями исторического познания с помощью исторического источника и внеисточникового знания, которые имеют разные родовые имена. Различие родовых имен выражается в противопоставлении: внеисточниковое знание, с одной стороны, означает отрицание принадлежности к источниковому историческому знанию. С другой стороны, здесь предполагаются «привязанность» внеисточникового знания к источнику, его производность, «вторичность». Это обстоятельство позволяет предположить, что внеисточниковое знание, так же как и знание, извлеченное из исторического источника, принадлежит преимущественно исторической науке и является той характеристикой, которая выделяет ее из сферы других наук. Для других наук, даже тех, которые имеют дело с источниками (филология, юриспруденция), это понятие не имеет смысла, так как нет необходимости в противопоставлении этих двух видов знания.

Большинство исследователей к внеисточниковому историческому знанию относят, прежде всего, «предзнание». Еще в конце XVIII – начале XIX в. Ф.Д.Э. Шлейермахером в качестве основы герменевтического круга был выдвинут принцип «минимального предзнания», с помощью которого осуществляется «прыжок в герменевтический круг» и путем понимания которого разрешается имеющееся противоречие (цит. по: [9]). Понимание, таким образом, возникает, когда предзнание сравнивается с новым знанием.

У Гадамера в качестве предзнания или «предрассудка», который является условием предварительного понимания, выступает традиция, с одной стороны, с другой же, в качестве внеисточникового знания он выделяет «новаторство нового интерпретатора». Понимание текста он преимущественно связывает с активностью интерпретирующего субъекта [12].

А.Я. Гуревич предзнанием считает интуицию историка, понимание и видение им эпохи [13. С. 85]. Я.С. Лурье к внеисточниковому знанию причисляет совокупность данных исторической науки, полученных ранее, вне данного источника [14. С. 14]. М. Фуко на первый план выдвинул личностное знание, так как истиной в его понимании является лишь своя субъективность, а исторические источники – это только «памятники», и их возможности в постижении прошлого невелики.

Э.Н. Лооне расширяет рамки предзнания. Предзнание у него – это не только историческое знание и потенциал исследователя: по его словам, предварительное знание историк может получить из других наук и философии, которые по отношению к исторической науке служат «мешком», вместилищем внеисточникового знания [15. С. 150]. По Е. Топольскому, предзнанием являются отдельные факты, и «код информации» – лингвистическое, терминологическое и другое знание [16. С. 149].

Особым образом решалась проблема «недостаточности» источников представителями школы «Анналов». С одной стороны, ими расширяется источниковая база. К источникам они (более всего Л. Февр и М. Блок) относят «все, что человек написал, создал, все, чего он касался» [8. С. 27]. Историческое исследование должно сопровождаться изучением статистики, демографии, психологии и др.

С другой стороны, они проявляют недоверие к источникам, пытаясь с помощью предзнания выявить в источниковой базе знание, которое не соответствует замыслу источника (различного рода «оговорки»). Их недоверие было связано с тем, что источники построены по «схемам», определяемым идеологиями времени, поэтому прямое содержание текста источника может быть фальсифицировано. В результате работа историка – это поиск подлинного содержания в любом письменном источнике. В связи с этим даже фальсифицированные источники представляются ценными для исследования. Таким образом, статус исторических источников изменяется: источники полагаются «молчаливыми» и «говорят» лишь тогда, когда их спрашивает историк.

Необходимо заметить, что в качестве предзнания могут выступать некоторые виды вненаучного зна-

ния – здравый смысл, обыденное знание, как уровень исторического познания, социально-психологические установки общества, иногда основанные на исторических мифах. Предзнанием могут быть и официальные концепции власти, идеология. То есть в качестве предзнания выступают те знания и установки, которые может иметь исследователь, с которыми он «приступает» к исследованию источников.

Одним из видов внеисточникового знания считается опыт, эксперимент. Тема эксперимента в истории возникла довольно давно и является дискуссионной. Одни исследователи не очень высоко оценивают эксперимент в исторической науке. Например, Э.Н. Лоне пишет: «Если мы знаем, как строили пирамиды, то неважно, что их можно было строить и по-другому» [15. С. 150]. Более того, сторонниками данной позиции полагается, что он может исказить историю. Другие исследователи напоминают, что эксперимент помог сделать ряд исторических открытий.

Советский исследователь А.Г. Кузьмин приводит примеры использования эксперимента: с его помощью могут изучаться техника и технологии, описания которых либо отсутствовали, либо не дошли до настоящего. К эксперименту также можно обратиться при установлении точного места и времени событий, воспроизвести их последовательность и др. «Источник, – полагает А.Г. Кузьмин, – не является даже единственной эмпирической основой знания, поскольку возможен еще эксперимент» [17. С. 15, 16].

Необходимо заметить, что здесь речь идет об экспериментах в их естественнонаучном смысле, когда объект исследования вполне достижим и опыт может быть повторен. Это так называемый реалистический подход. Историческое прошлое предстает здесь как реальность, существующая сама по себе, независимо от познавательной активности субъекта, а эксперимент выступает как воспроизведение этой реальности – «оригинала». С точки зрения Уайта, в этом случае воспроизводятся события, внешние сознанию историка [11].

В связи с этим возникает вопрос о том, что дает возможность назвать данный эксперимент историческим? Опыт проводится с использованием методов других наук, и с историей он связан лишь тем, что обращен в прошлое. Кроме того, воспроизведение исторических событий, подобно тому как воспроизводятся явления в естественных науках, может привести лишь к частичному успеху, прежде всего, потому, что история каждой социальной общности уникальна, бесконечно изменчива, поведение людей мало предсказуемо. Апелляция к законам истории также не приведет к успеху в достижении истинного знания, так как они порождаются в результате деятельности людей и не действуют всегда одинаково как законы природы. Поэтому позиция приверженцев реалистического подхода предполагает опору на исторический источник при частичном использовании внеисточникового знания.

Представители конструктивистского подхода, вызревавшего в рамках представлений об исторической реальности, отвергают идею возможности для субъекта исторического познания войти в прямое соприкосновение с реальным прошлым. Историческое прошлое в этом случае теряет свое определяющее значение, подчиняется настоящему, становясь лишь прошлым настоящего. На первый план выходит историк, который конструирует текст, создавая «эффект реальности».

Таким образом, действительные события прошлого уже не признаются «оригиналом», по которому могут воспроизводиться внешние события. Потеря «оригинала», по которому может создаваться модель прошлого, приводит к поиску других оснований для исторического опыта.

Предшественником конструктивизма в понимании опыта в исторической науке, на наш взгляд, можно назвать Коллингвуда, который выдвинул в качестве реальности исторической науки историческое сознание. Содержанием исторического знания он полагает знание о том, что дух совершил в прошлом, и опыт «воспроизведения его действий» [18. С. 207]. Объектом опыта здесь уже является «деятельность мышления», сознания, а сам опыт – воспроизведением этой деятельности.

Мысль о том, что познать прошлое «как оно было» невозможно, все более укрепляется. Причиной этому, как пишет В.Н. Сыров, является не только то, что прошлое недостижимо и не может стать «подтверждением суждений историка», а и потому что «“смысл” происшедшего чужд нам» [20]. В этой ситуации (в рамках постмодернизма) возможность исторического опыта первым рассмотрел голландский философ Ф.Р. Анкерсмит. В качестве объекта исторического опыта у него выступает «персональное прошлое» (мало отличающееся от коллективного прошлого), а точнее, различие между прошлым и настоящим. Человек способен иметь подлинный опыт прошлого, и это, по Анкерсмиту, – опыт ностальгии. Ностальгия – это мост между физическими реалиями прошлого и эмоциями человека [19. С. 367]. Подход Анкерсмита – это воспроизведение «внутренних» событий, т.е. тех чувств, которые вызваны тем или иным событием.

Невозможность опереться на прошлое, его чуждость побуждают Х. Уайта разработать способ преодоления чуждости. Он считает, что это может произойти с помощью форм, тропов, на которые опирается историк в своем исследовании. Предпочтение тропов влечет за собой «определенный способ объяснения, аргументации и идеологической стратегии» [10. С. 11]. То есть Уайт создает «структуралистскую сетку», в пределах которой существуют все исторические тексты. Она выступает в качестве закона, претендуя на статус незыблемости, неразрушаемости, что свойственно законам природы, которым подчиняется опыт в естественных науках.

Исторический опыт, представленный Х. Уайтом, с одной стороны, основан на предпочтении историком тропов, с другой стороны, это предпочтение связано с представлениями об их независимости от исследователя. Поэтому определить его как внешний или внутренний достаточно трудно [11].

Как мы видим, представления о возможном использовании в историческом исследовании опыта (эксперимента) весьма широки – от признания его не

особенно важным дополнением до признания за ним довлеющего положения в получении исторических знаний. Более того, можно согласиться с В.Н. Сыровым, который полагает что «концепт “опыта” дает принцип, позволяющий решительно отделить исторические повествования от художественных». Он пишет, что «опыт значим лишь для тех, кто будет действовать, а не переживать» [20].

Подводя итоги, можно сказать, что топосом внеисточникового знания являются знания и способности, которыми обладает историк; наличное знание, которое он может использовать; то, что может быть «добыто» им в процессе исследования не методом критики источников, относящихся к теме, а иными методами. Это могут быть комплекс знаний, полученных из других исторических источников ранее; знание отдельных фактов; результаты исследований других сфер науки; опыт настоящего (например, модели поведения людей в той или иной ситуации); интуиция, способность к анализу и понимание эпохи исследователем, эксперимент, подобный естественнонаучному, и индивидуальный опыт прошлого, основанный на чувственном восприятии прошлого и личном восприятии историка «жанра» того или иного события.

Таким образом, ситуация получения исторического знания такова: исторический источник – это то, что определяет границы исторической науки, ее отличие от других наук и от вненаучного знания. Сторонниками реалистического подхода источнику придается особая ценность, по словам Я.С. Лурье, исторические факты извлекаются только из источников [14. С. 14]. Конструктивисты, склонные к низкой оценке источникового знания, все-таки отмечают, что внеисточниковое знание (опыт) не является единственным способом проникновения в историческое прошлое [10. С. 369].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боровкова О.В.* Методологическое оправдание топики посредством «выявления топоса» // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 38–44.
2. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. М., 1997.
3. *Родин А.* Среда и событие // Событие и смысл. М. : Институт философии РАН, 1999.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984.
5. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
6. *Блюхер Ф.Н.* Философские проблемы исторической науки. М., 2004. 197 с.
7. *Медушевская О.М.* Источниковедение: теория, история, метод. URL: rudocs.exdat.com/docs/index-179442.html (дата обращения: 28.09.2013).
8. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986. 256 с.
9. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история в 2 томах. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб. : Наука, 2003. 632 с.
10. *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М. : Европа, 2007. 608 с.
11. *White H.* Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding / ed. by R.H. Canary and H. Kozicki. The University of Wisconsin Press, 1978. P. 41–62.
12. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
13. *Гуревич А.Я.* Историк и история. К 70-летию Юрия Львовича Бессмертного // Одиссей. М., 1994.
14. *Лурье Я.С.* О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. 1981. Т. XXXVI. С. 13–36.
15. *Лооне Э.Н.* Современная философия истории. Ч. III: Процедуры установления исторического знания. URL: opentextnn.ru›history/?id=1044 (дата обращения: 28.09.2013).
16. *Топольский Е.* О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы философии. 1973. № 5.
17. *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
18. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории: Автобиография. М., 1980.
19. *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с
20. *Сыров В.Н.* Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. URL: *любомудр.рф Статьи* (дата обращения: 18.07.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 02 октября 2014 г.

HISTORICAL SOURCE AND SECONDARY KNOWLEDGE IN HISTORICAL SCIENCE

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 39-44. DOI 10.17223/15617793/390/7

Borovkova Olga V. Rubtsovsk Industrial Institute, Branch of Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russian Federation). E-mail: o.v.borovkova@gmail.com.

Keywords: historical source; secondary knowledge; foreknowledge; historical experiment; topos.

The period from the end of the 20th century is usually characterized as an epistemological crisis which the science of history did not escape as well. One aspect of this crisis is an attempt to restate the role of the historical source. As a result, more attention has been paid to "secondary knowledge" which claims to take the lead in historical research. But for all shortcomings and weaknesses the historical source has it is the principle channel of communication which allows historical science to get self-identical information, i.e. the information defining its essence. Therefore, two problems have to be currently solved: an in-depth study of the historical source and definition of the boundaries of the concept "secondary knowledge". In this paper, we intend to use the method of identifying a topos based on the Aristotelian Topeka which involves consideration of both the historical source and secondary knowledge as domains of distribution and overlapping of meanings. The basis of this method is to find similarities and differences of things occurring in generic or proper names. The study of similarities and differences between historical source and those referring to natural sciences, philology and jurisprudence allowed us to reveal the peculiarities of the historical source. Unlike sources of natural sciences, historical source is a text (as well as other sources of social-humanitarian sphere). But this is a text relating to history and it is transferred to here and now through various channels including a physical medium. Therefore, historical source is a source that has two sides, objective and informative ones, which are combined in different ways. The objective side does not matter much for philological or legal

sources. The purposes of the informative side study are different: from historical sources historians get information concerning the past of human society; therefore, their study is based on authenticity of the source media, veracity of the content and the ratio between these two grounds. We can say that the topos (concentration of meanings) of the historical source is its belonging to history, its objectivity expressed by various manifestations. The way of its cognition is source criticism which includes methods of both social-humanitarian and natural sciences. The topos of secondary knowledge is information possessed by a historian or available information they can use or gain during the study by methods other than method of criticism of the sources relevant to the topic. They are mainly "foreknowledge" and experiment. Foreknowledge refers to the information gained from other historical sources before; certain facts and information code; studies in other fields of science; intuition and the ability of the researcher to analyze and understand the era. Secondary knowledge can neither come before a historical source nor exist by itself without sources. Penetration into the historical past by means of secondary knowledge is only possible through historical sources and the environment of secondary knowledge is in most cases the source.

REFERENCES

1. Borovkova O.V. Methodological justification of topics by revealing topos. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 349, pp. 38–44. (In Russian).
2. Mamardashvili M.K. *Lektsii po antichnoy filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Moscow: Agraf Publ., 1997.
3. Rodin A. *Sreda i sobytie* [Environment and event]. In: Kiyashchenko L.P., Tishchenko P.D. (eds.) *Sobytie i smysl* [Event and meaning]. Moscow: Institut filosofii RAN Publ., 1999
4. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1984.
5. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 423 p.
6. Blyukher F.N. *Filosofskie problemy istoricheskoy nauki* [Philosophical problems of historical science]. Moscow: IFRAN Publ., 2004. 197 p.
7. Medushevskaya O.M. *Istochnikovedenie: teoriya, istoriya, metod* [Source studies: theory, history, method]. Available from: ru-docs.exdat.com/docs/index-179442.html. (Accessed: 28th September 2013).
8. Blok M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apology of history or craft of the historian]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 256 p.
9. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya v 2 tomakh* [Knowledge of the past: the theory and history in 2 volumes]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. Vol. 1, 632 p.
10. Ankersmit F.R. *Vozvyshennyy istoricheskiy opyt* [Sublime historical experience]. Moscow: Evropa Publ., 2007. 608 p.
11. White H. *Historical Text as Literary Artifact*. In: Canary R.H., Kozicki H. (eds.) T*he Writing of History. Literary Form and Historical Understanding*. The University of Wisconsin Press, 1978, pp. 41–62.
12. Gadamer H.-G. *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p.
13. Gurevich A.Ya. *Istorik i istoriya. K 70-letiyu Yuriya L'vovicha Bessmertnogo* [Historian and History. On the 70th anniversary of Yuri L. Bessmertny]. In: Gurevich A.Ya. (ed.) *Odissey. 1993* [Odyssey. 1993]. Moscow: Nauka Publ., 1994.
14. Lurie Ya.S. O vozmozhnosti i neobkhodimosti pri issledovanii letopisey [On the possibility and necessity in the study of chronicles]. *TODRL,* 1981, vol. XXXVI, pp. 13–36.
15. Loone E.N. *Sovremennaya filosofiya istorii. Ch. III: Protsedury ustanovleniya istoricheskogo znaniya* [Modern philosophy of history. Part III: Procedures for the establishment of historical knowledge]. Available from: opentextnn.ru›history/?id=1044. (Accessed: 28th September 2013).
16. Topol'skiy E. O roli vneistochnikovogo znaniya v istoricheskom issledovanii [On the role of out-of-source knowledge in historical research]. *Voprosy filosofii*, 1973, no. 5.
17. Kuz'min A.G. *Nachal'nye etapy drevnerusskogo letopisaniya* [The initial stages of the Old Russian chronicles]. Moscow: MSU Publ., 1977.
18. Collingwood R.J. *Ideya istorii: Avtobiografiya* [The idea of history: the autobiography]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 486 p.
19. Ankersmit F.R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Translated from English by M. Kukartsev, E. Kolomoets, V. Kataev. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2003. 496 p.
20. Syrov V.N. *Sovremennye perspektivy filosofii istorii: povorot k narrativu* [Modern perspectives of philosophy of history: the turn to narrative]. Available from: lyubomudr.rf. (Accessed: 18th July 2014).

Received: 02 October 2014